

© Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Сидорова Т. А., 2019

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: filfak@list.ru

Сабурова Людмила Вадимовна

Преподаватель,
Средняя общеобразовательная школа № 3
(Вологда, Россия)
E-mail: lyudmilka85@bk.ru

Saburova Liudmila Vadimovna

Teacher of Russian and literature,
Comprehensive School No. 3
(Vologda, Russia)
E-mail: lyudmilka85@bk.ru

Сидорова Татьяна Александровна

Доктор филологических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

Sidorova Tatiana Aleksandrovna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

**КОНЬ / ЛОШАДЬ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА СЕВЕРНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНИНА**

**HORSE IN THE LANGUAGE WORLD
PICTURE OF THE NORTH RUSSIAN
PEASANT**

Аннотация. Основной задачей данной статьи является описание особенностей объективации фрагмента КОНЬ / ЛОШАДЬ в языковой картине мира севернорусского крестьянина на материале данных словарей, лингвистических атласов и опубликованных записей устной речи. Представлены результаты сопоставления когнитивных особенностей и деривационного потенциала названий коня и лошади в вологодских говорах и сопредельных архангельских говорах. В результате комментируются специфические свойства диалектной языковой картины мира: парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Abstract. The main objective of this article is to describe the features of *the horse* fragment objectivization in the language world picture of the North Russian peasant by the material of the dictionaries, linguistic atlases and the published records of oral speech. The results of comparison between cognitive features and derivational potential of horse nominations in the Vologda dialects and adjacent Arkhangelsk dialects are presented. Consequently the authors comment on such specific features of the dialect language world picture as parcelling, pragmatism, traditional character and expressivity.

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная языковая картина мира, названия коня, вологодские говоры, архангельские говоры

Keywords: cognitive dialectology, dialect language picture of the world, nominations of horse, Vologda dialects, Arkhangelsk dialects

Введение

Лексика животного мира относится к числу тематических групп, изучение которых давно и весьма успешно осуществляется на материале различных языков мира, но вновь и вновь обнаруживает свою актуальность на различных этапах эволюции гуманитарного знания. Анимальная лексика русского языка исследуется в разных направлениях: с точки зрения ее лексической семантики ([19], [16] и др.), особенностей происхождения ([30], [22], [13], [12] и др.), деривационного потенциала ([5], [23] и др.), употребления в составе устойчивых сочетаний слов ([14], [33] и др.), этнолингвистической специфики [28], [8] и особенностей функционирования в текстах различной жанрово-стилистической природы ([34], [11], [1], [31], [29], [21] и др.). Результаты этих исследований достаточно полно определяют лексико-фразеологический фонд анималистической семантики в русском языке и состав транслирующих ее способов, типов и моделей словообразования, иначе говоря, позволяют определить систему представлений, связанных в сознании носителей русского языка с явлениями животного мира, выявить и описать «анималистический код» русской речевой культуры.

Названия животных весьма подробно описаны в диалектологии, в частности, на материале севернорусских говоров ([18], [17], [4] и др.), в том числе в контексте создания диалектных словарей и лингвистических атласов ([3], [6], [24] и др.). Ученые делают вывод о «естественной» систематике животного мира в языковом сознании носителей территориальных диалектов русского языка. Их «зооморфизм», или «зооморфный код», находит свое проявление в неразрывной связи «мира животных» с «миром человека» в диалектном языковом сознании, проявляющемся в ословливание наиболее важных физиологических процессов: зачатие, беременность, рождение потомства; уход за детьми и животными (содержание, кормление, слежение за передвижением в пространстве); болезнь и смерть; реализации типичных схем семантических переносов, связывающих в единое семиотическое целое явления «мира человека» и «мира животного».

Исследуя феномен *диалектной языковой картины мира* [5], [25], [10], диалектологи обращают внимание на важную роль в ней домашних животных и, в частности, лошадей. Эти животные были приручены человеком в глубокой древности и занимают особое место в человеческой цивилизации (подробнее об этом см.: [2]). В славянской культуре конь, являясь космологическим животным, связывался с опытом сотворения Вселенной, бытием небесных сфер и подземного мира, с одной стороны, находясь под покровительством небесных сил и служа оберегом человеческого жилища и его обитателей, а с другой стороны, имея возможность взаимодействовать с миром мертвых, был предвестником смерти и несчастий [8, с. 87, 78, 106, 165, 201 и др.].

Основная часть

Основной задачей данной статьи является описание особенностей объективации фрагмента КОНЬ / ЛОШАДЬ в языковой картине мира севернорусского крестьянина на материале данных словарей и лингвистических атласов [9], [7], [15], [27] и опубликованных записей устной речи [20], [26]. Как показало исследование, даже в пограничных территориях, каковыми являются Архангельская и Вологодская области,

наблюдаются некоторые различия в языковых картинах мира. Это обусловлено многими факторами, среди которых особо выделяются географическое положение, климат, способ ведения хозяйства, история края, сложившиеся традиции, культура. Так, в Архангельской области в течение длительного времени существовало двуязычие. Большое влияние на формирование языковой картины мира северного крестьянина оказало финно-угорское прошлое региона. Культ коня возник у финно-угров из культа лося-олени. Конь почитался как священное солнечное животное. В культе племени *меря*, например, используются деревянные фигурки коня – обереги. С возникновением пашенного земледелия роль коня возросла. У племен *карела*, *коми* еще в XIX в. жертвоприношения этих животных были обычным явлением. И сейчас в честь коня устраивают аграрные праздники. До сих пор в Архангельской области пекут *козули* (северные пряники) в форме культовых фигурок животных, в том числе и коня. Они символизируют богатство и достаток. Невестам и молодым людям дарят фигурки коней с заплетенными в тройную косичку гривами – символом веры, надежды, любви. Их ставят перед иконой.

Конь в крестьянском хозяйстве стал символом радости, удачи, обновления природы, достатка, благополучия. Деревянный конек на крыше дома символизирует мужское начало. Поэтому их можно встретить на больших домах (чаще пятистенках), что указывает на благополучие и наличие хозяина-мужчины. Изображение коня использовалось даже в геральдике. Например, на гербе Коноши изображен серебряный конь с коробом – ношей на красном фоне. Здесь он символизирует выносливость, трудолюбие, стремление вперед. Конь в крестьянском хозяйстве ценится как средство передвижения, перевозки груза (тягловый). Не случайно возникла поговорка: *не хвались, корова, конь тебя варове* (т. е. быстрее, проворнее).

Важными концептуальными признаками коня / лошади стали выносливость, сила, устойчивость к холоду, заболеваниям, послушание / непослушание. Даже среди жеребят различаются *жеревёнок* (который еще не используется в работе), *переходок* (*борноволок* (кого учат таскать борону)) и *ежжавая лошадь* (рабочая). Концептуализируются признаки, важные для крестьянского хозяйства. Жеребята называются и по возрасту: *жеревёнок-однолеток* / *двулеток*, *лоньшак* (прегодовалый), *стрижок* (у которого остригли гриву). Ценят крестьяне послушных, покладистых, активных лошадей, поэтому называют их в соответствии с повадками: *лягун*, *арташина*, *ярый* (*половая активность коня*), *боркий* (резвый), *уросливый* (упрямый). В номинациях лошадей широко используется и масть животного: *буслая*, *серая*, *гороховая*, *русак*, *вороной*, *лысан*, *рыжуха*, *карюха*, *ягушка*, *пеганушка* и др. Особую известность в Архангельской области приобрели лошади-мезенки, прародители которых были завезены сюда в XI в. Они отличаются неприхотливостью, выносливостью, приучены работать в снегу, выдерживая огромные расстояния даже по болотистой почве и вязкой *няше*. Лошадь-мезенка живет более 20 лет, не боится гнуса и холода. Она имеет крепкие ноги, устойчива к заболеваниям, в зимнее время обрастает длинной густой шерстью. Поэтому лошадей этой породы активно используют как тягловую силу, в поисково-спасательных операциях, в лесных и охотничьих хозяйствах, называют в народе «мезенское чудо».

Поскольку конь всегда находится рядом с человеком, на Севере существуют приметы, связанные с этим животным: *кони ржут к добру*; *конь топает ногой* – к

дороге; валяется на земле – к хорошей погоде; вытягивает воздух ноздрями – близко дом; фыркает в дороге – к встрече; закидывает голову – к ненастью и др.

Общими названиями лошадей в вологодских и архангельских говорах в основном служат пространственно не локализованные названия: для животных мужского пола – конь («Я коня *взимаю*»; «*Сейчас-то в деревне всего три коня*»; «*Заартачистый конь может швырнуть, выбросить*»), для животных женского пола (и для именования животного без актуализации пола) – лошадь («*Лошадь эту паралич разбил, её и залобанили*»; «*Ну, теперича карюх редко где встретишь. Да и лошадей что-то мало теперь стало*»). При именовании взрослых самцов может приниматься во внимание признак способности или неспособности животного к производству потомства («*Жеребец уж взрослой, к ему кобыл водят*»; «*Мерин-от когда ложили, кастрировали его*»), хотя во многих контекстах он не актуализируется («*Эдакие стояли меринья*»; «*Думаю, что в стае постукивает, а это мерин оторва всё*»; «*Сейчас на деревне-то всего три коня, а тогда, ой, меринья было!*»). Для именования взрослых самок животного (преимущественно в контекстах, актуализирующих беременность самки, рождение и воспитание детенышей) используются также существительные кобыла («*Они поехали на берёжской кобыле*»; «*Кобыла-та с жеребят у нас уже была*»), жеребё («*Жерёбу не впрягают, она отдыхает: у неё жеребёнок будет*»; «*А жеребё моей немного осталось: родит скоро*») и жеребица («*Жеребица-то – кобыла, у которой сосунок скоро будет*»). Для именования животных используются также дериваты от подзывных слов («*У меня хороший тпроня-то: и понукать не надо, сам бежит*»). Названия детенышей образовывались преимущественно с корнем -жереб-: жеребёнок – общее название детеныша лошади («*Бежим, а уж волк-от жеребёнка-то розорвал. Сидит тутока на жеребёнке-то. Вот мы зашумили!*»), жеребушка – жеребенок / жеребенок женского пола («*А сперва его жеребушкой называют*»; «*Жеребушка-то у кобылы красавица родилась*»), жеребчик – жеребенок-самец («*Зорька двух жеребчиков только принесла*»). В названии жеребят может быть актуализирован возраст животного («*Сезо год у меня был селеток, да заболел и сдох. Всего один годоцек жеребёночку-то было*»; «*Жеребёнок – однолеток*»; «*Лошадь баская, и жеребёнок у неё годовик*»; «*Двулеток – жеребёнок на втором году жизни*»; «*Лоньшак – лошадь по второму году*»; «*Лонишачок жеребёнок у нас*»; «*Стрижок – лошадь по первому году*»), а также свойственные этому возрасту повадки животного («*Сосунец-то дак совсем малый жеребёнок, ещё матку сосёт*») или готовность перехода животного в определенном возрасте к трудовым обязанностям («*Две лошади ежжавых, на которых ездят, жеребёнок, а потом переходок. Это уж переходит в рабочую лошадь. Жеребёнок да и переходок ещё у них*»; «*Лошадь по второму году – борноволк, учат таскать борону*»).

Контекстуальная информация о лошадях актуализирует широкий набор признаков, существенных для диалектного языкового сознания.

Во-первых, внешние особенности: масть животного («*Лошадь-то буслая, не серой, а такой горюховой масти. Чалкой звали*»; «*Конь у нас был воронуха, баской*»; «*Ну, теперича карюх редко где встретишь*»; «*Мне бы дак любую лошадку-то, хоть с ягушку, да пеганушку*»; «*Ведь уж рыжухой дак лошадь зовут*»), наличие пятен на голове или теле животного («*Такой Лысан был – его ничем не вправишь в борозду. Так-то лошадь знает, что надо идти по борозде, а он – нет. У него лыси-*

на была – это ведь продолговатое пятно на лбу, дысатый был»; «Конь-от у меня дысманою»; воспринимаемые на слух звуковые сигналы, издаваемые лошадей («Эк как у тебя лошадь-та загорготала! Соскучилась, поди»; «Лошадь-то за повод ведёшь. Когда она зауросит (заупрямится), она на дыбы стаёт»; «Мы тогда в разведку пошли и очень боялись, что лошади зафорскают и выдадут нас. Хотели морды завязать, чтоб не зафорскали»; «Это лошади ивкают, в поле пасутся и ивкают, а больше никто не ивкает, не знаю больше кто»), а также названия приспособлений, производящих звук («Летом боркуну всем лошадям и коровам вешают»; «В Масленицу-то у нас весело было. На лошадях катались, на лошадь нацепят много бубешков разных, и маленьких и побольше»; «Бубен на коней навязывали, когда пастбища отпавляли»; «У лошадей воркунчики были»; «Оденут громки на коней, вот они и боркают»; «Раньше коровам навешивали колокола на шею, а коням — журкало»; «На дугу-то ведь по праздникам звонок вешали»; «“Знаешь, моя, – говорю, – лошадь поёт в колоколо”. А хозяин у меня сказал: “Ну, да ладно!”»).

Во-вторых, это повадки животного – упрямство, своенравность, неспособность слушаться хозяина («Чтобы с лошадью изортойка не вышла, нужно сильному человеку лошадь изъезжать. Не идёт лошадь – и всё, пятаются с ней да и продадут»; «Заартачистый у тебя конь – никак не загнать»; «Много с этой заарташной лошадью мы помаялись»; «Лошадь-то у меня какая заарташная! Хочет – идёт, хочет – нет»; «Лошадь-то не заворотистая, так намучаешься»; «К лягачему коню нужен был особый подход»; «Лягун это, эдаких и не держат, кои лягаютче. Беда ли в ём: застегнёт!») и в противоположность им – положительные характеристики животного: половая активность («Племенной-то жеребец у меня уж больно ярый»), резвость («Только копыта у коней боркают»; «У меня хороший типроня-то: и понукать не надо, сам бежит»; «Русак-от какой! Для русаков и пастбише было другое»), выносливость («Лошадки небольшие были, а тягловые»).

В-третьих, это характеристики, связанные с уходом за животными – названия помещений для содержания лошадей («На задахверху – сено, внизу – хлевы: корова, овцы. Лошади не в хлевах, в серёдке жили. Двор всегда бывает в серёдке, не на задах, а хлевы на задах»; «Это конёвья дира: внизу ясли, через неё коням сено закладывали»; «Есельная дира есь, а через есельную диру и дашь лошадям, чтобы не идти зимой-то с сеном»; «Как навалит снегу-то, так лошадей заганывают в конюшню. В летнем лагере так и ночью заганывают»; «Вот загоним лошадей-то мы в кидлейку. А в кидлейке окна есь для голов лошадей-то»; «Конюшню построили на краю деревни недалеко от леса»; «Лошади где стояли, так конюшню звалось»; название пастбищ («Веди, – говорит, – в Берёзовку, не опускай, – говорит, – в поскотину. Ну вот, я на Берёзовку опустила. Опустила лошадь-ту»; «Жеребятник у нас за деревней»; «В изгороди тут и ходят кони»; людей, занимающихся выпасом лошадей, уходом за ними и лечением («Если лошадей было много, то тогда скотопаса назначали»; «Всю войну конюхом работала да ишто потом два года конюшила»; «Лечил коров-то, коней конёвал»), различных процедур ухода за животными («Живём – конюхаем. Всё с тётенькой и конюхали»; «Везде работала, коней конюшила»; причин их болезни или гибели («Лошадь только что пригнали — не вздумайте напоить, надавайте-ко лучше сена. Это уж старая мудрость»; «Лошадь эту паралич разбил, её и залобанили»; «Ой, какая калья глубокая в поле. Вся вода, видно, туда стекает»).

Такая была калья, дак провалиссе, до дна не достанешь. Кони туды побежат да так и булькнуце»; «Лошадь в Сухону упала и закупалась»; «Лошадь утонула в болоте. Для неё вырыли яму и захоронили там, где уже зарывали умерших животных – могильники и тут стали»). В высказываниях сельских жителей выражается особое отношение к лошадям: «Лошадь-то, конечно, уж лучшие воймовали, чем корову».

В-четвертых, это характеристики, определяемые занятостью лошадей в крестьянском хозяйстве: использование лошадей как средства передвижения человека верхом («Садиться надо на вершное»; «Меня маленькую нацали везде таскать. И боронить – наверху посажат, я и ежжу!»; «Она свершных упала, с лошади»; «Лошадь-то была езжала, дак она меня не сбросила, когда волки-то напали в лесу») или в повозке («Зимой-то двух лошадей в заводь запряжешь и по полю по снежному»; «Лошади-те проваливаются, а сани здымаёт»; «Виняться-то коренную впрягли»), средства для перемещения грузов («На конях издили, привезут по волоцюжке-то, волоцюжки-ти на повить сгружали»; «Лошадей зачалят, оне и ташишат трешкотик»; «Раньше на двор-от на лошадях сено по въезду ввозили»; «Наложат этих брёвен, да они вот важивали на конях, коней поганывали»), а также тягловой силы во время полевых работ («Пошла к ей лошадь просить, поле надо бороздить»; «Я в одну весенницу четырнацать, пятнацать соток вспахала, и конь был худой»; «Вспашут, посиют, потом полосу-ту кобылить надо, т. е. боронить крест-накрест»). В речи информантов представлены названия людей, выполняющих сельскохозяйственные работы с помощью лошади: возчик («Дадут лошадь, он будет возить назём. Просто возчик, это робёнок возит навоз»), подгонщик («Женищина пашет, а этот человек, который подганивает лошадь, называется подгонщик»), ямщик, ямщица («Лошадь подгоняёт и сам сидит на облучке – ямшишк, значит, и пашет»; «А вот девка роботает на пахоте, дак ямшишцей звали, которая правит конями»). Подробно характеризуются средства воздействия на животных: подзывные и подгонные слова («Тпроня-тпроня, иди сюда, на хлебушка!»; «Ксыкаешь, ксыкаешь до села, сама устанешь, да и лошадь угонишь»), средства наказания («Витнём лошадь-ту хлестали, дак бойко бегала»). В противоположность праздным, не занятым работой лошадям («Поворачивай гуленей в лён») информанты характеризуют выносливых, эффективных в работе животных («У меня хороший тпроня-то: и понукать не надо, сам бежит»; «Лошадки небольшие были, а тягловые»), отмечая при этом тяготы и людского труда («Коня-то я рано зазнал»), и конской участи («Заморили лошадей, лошади-то заморные»; «Одналяга, другая ляга – такая грязь, что лошади до живота идут, а ей ещё и телегу ташишь, а она хлюпает, грязь-то»). В рассказах о лошадях информанты подробно описывают конскую упряжь («Запряга-то у меня на лошаде распряглась»; «Через шею проденешь, дерёва сдвинешь, супонью закрепишь. Говорят не про дерёва, а про хомут: хомут, скажут, рассупонился»; «Седёлко-то на лошадь кладут да салятся. Надевали седёлко, уздечку, впрягли телегу»; «Подгар-от звонкой был, ковды свадьба-то, колокольчиков-то много вешали»), а также действия человека, запрягающего или распрягающего лошадь («Ну давай, Коля, лагай лошадь»; «Лошадь-то из плуга выхлестнули» и др.).

Слова, называющие лошадей в севернорусских говорах, в целом реализуют типичные отанималистические словообразовательные значения, но обладают разным деривационным потенциалом.

От существительного **конь** (ср.: **котнь* из **ковнь* [33, Т. 2, с. 316]) в вологодских говорах образуются производные существительные с модификационными значениями («*Коника-то на крыше видала?*»; «*Экий конёк-то у него хорошой!*»; «*С таким-то коняжской дивья!*»; «*Конягу-то своего он за зиму, гляди, раскормил!*»; «*Жеребёнок-то был дохлый, а вон какой конина вымахал!*»), со значением мяса животного («*Из конины я дак ничего не едывала*»), помещения, предназначенного для содержания лошадей («*Как навалит снегу-то, так лошадей заганывают в конюшню*»; «*Конюшню построили на краю деревни недалеко от леса*»; «*Лошади где стояли, так конюшно звалось*»); человека, род занятий которого связан с лошадьми («*Всю войну конюхом работала да шито потом два года конюшила*»; «*Лечил коров-то, коней конёвал*»); производные прилагательные, называющие признак по отношению к животному или по принадлежности ему («*Конёвым навозом и называют конский навоз*»; «*Это конёвья дира: внизу ясли, через неё коням сено закладывали*»; «*Так август! Теперь конский волос плывёт!*»; «*В загороде да в поле – везде полно беленьких цветочков, конёвы дудки называются*»); производные глаголы, называющие действия конюха («*Живём – конюхаем. Всё с тётенькой и конюхали*»; «*Везде работала, коней конюшила*»); производные наречия сравнительно-уподобительного значения («*Бабка Анюта конёвато ходит*»). Существительные с корнем -*кон'* мотивируют названия частей тела животного (конёк – холка животного: «*Захватит корову за конёк, да и свалит медведь корову*»), названия насекомых (конёк – кузнечик: «*Конёк-то залетел Кольке за шиворот*»; коник – сверчок: «*Коник как запищит ночью в углу!*»), названия растений и грибов (конюх, конюшок – растение семейства зонтичных, бутень луковичный: «*Конюх-то ещё репкой, а то репиной зовут*»; «*У конюшка-то и рипина билинькая, и цветочки*»; конюх – пластинчатый гриб: «*Я сегодня конюхов столько принёс! Конюхи в засол идут*»); названия предметов бытового назначения (конёк, коньки – детские санки для катания по льду: «*Конёк – это детские санки на доске с передом и спинкой. У конька низ водой обливали или навозом намазывали. А кто и на коньке с горки катаУся, ведь у кого чего есь, на том и ездит*», «*Вот на Масляной-то нидиле и катались на коньках, коньков-то много было, все и катаются, как на санках*», конёк – широкая лавка в бане, на которую кладут одежду: «*Вон ложись на банного-то конька*»; коник – лавка в переднем углу перед иконами: «*Коник – место перед иконой, лавка в переднем углу*»; широкая лавка у входной двери, имеющая вид ларя с крышкой и служащая местом для сна, хранения посуды, продуктов и проч.: «*Кепку там на конике возьми. Ты ведь как пошёл, так там её и кинул*»; лавка около русской печи: «*Коник-от оботри, не забудь, а то и так коло печки грязно*»; конёк – деревянная планка с отверстиями, окованная железом, которая устанавливается на жернов мельницы и регулирует поступление зерна для помола; «жабка»: «*Сыпь большая, дак дырочки переставлялись, дак сыпь будет поменьше. Этот конёк бежит да всё и постукивает*»).

Не менее продуктивным является образование слов в гнезде с вершиной -*кобыл*- (ср.: праслав. **koby* [33, Т. 2, с. 269]). От существительного *кобыла* в севернорусских

говорах функционируют локально не ограниченные производные слова с уменьшительно-ласкательным (*кобылка*) или уничижительным (*кобылёшка*) значением, со значением признака по принадлежности (*кобылий*), а также диалектные производные – существительные *кобылица* – взрослая бесплодная кобыла: «*Кобылица два года не жеребилась, так на базу и сдали*»; *кобылёха*, *кобылина* – рослая, здоровая, ленивая девушка: «*Вы чего, кобылёхи, носитесь?*»; «*Девки, кобылины, сейчас ничего-то не делают, токо скачут*»; *кобыляк* – здоровый рослый подросток: «*Такой кобыляк вырос, а ума не нашёл*»; *однокобыльник* – крестьянин, имеющий в единоличном хозяйстве одну лошадь: «*Раньше-то в деревне многие имели много скотины, однокобыльников-то мало было. Это лошадь если одна у человека*»; глаголы *кобылить* – боронить пашню сначала вдоль, потом поперек: «*Обильё-то как посеют и кобылят. Искобылят сперва вдоль, потом поперёк пойдут*» и *кобылять* – находиться в близких любовных отношениях: «*Было, и кобыляли, женихов-то для старшей побили на войне, не сидеть же в девках*».

На базе существительного *кобыла* и его производных образуются названия насекомых (*кобылка* – стрекоза: «*Кобылка – это зелёное насекомое, травянушка ещё зовётся, а по-правильному – стрекоза*»), названия предметов бытового назначения (*кобыла*, *кобылка* – козлы для пилки дров: «*Кобыла – это станок для пилки дров. Вон у меня кобыла на дворе, дрова пилим на ней*»; «*Кобылину-ту надо бы сколотить: вся разъехалась. Дрова-ти на кобылине пелят*»; *кобылка* – узкий, из 4–5 бревен, но длинный, 5–6 м, плот, применяемый на лесосплавных работах: «*Я все зимы на сплаве работала, дак мы всё на кобылках сплавляли*»; *кобылина* – леса, подмости, устраиваемые для работы наверху: «*На кобылины девки залезут да и моют потолок*»; опора мостков через ручей, реку: «*Андрей всё время делал мостик. Поставит три-четыре кобылины, положит доски – и иди*»; деревянное устройство для подвешивания котла на костре: «*Повисят котлы на кобылины-ти и варят. Кобылина – две рогулины, а на них кладётся поперёк толстая палка или тонкая жердь, всё вместе – кобылина*».

Существительное *кобыла* и его производные входят в состав устойчивых сочетаний слов:

– *Ну его к кобыле* – не стоит, не заслуживает внимания: «*У нас пиво лучше, чем в городе. У нас пышное такое, приятное! Я городское-то сразу, приехал – ну, его к кобыле!*».

– *В чём на погост, в том и кобыле под хвост* – о человеке, надевающем в будний день нарядную, праздничную одежду: «*Ну и безрозвытицажэ ты, девка! В чём на погос, в том и кобыле под хвост*».

– *Травяная кобылка* – кузнечик: «*Конёк – ну, кузнечик по-вашему, у нас ешио травяной кобылкой зовут*».

Гнездо с корнем *-жереб-* (ср.: *жеребёнок*) в вологодских и архангельских говорах включает в себя названия самки животного (*жерёба* – жеребая кобыла: «*Если скоро ожеребиться должна, значит она жерёба*», «*Жеребица-то – кобыла, у которой сосунок скоро будет*»); самца («*Жеребец-то доб, не похаю, хороший жеребец*»); детенышей лошади (*жеребёнок*: «*Бежим, а уж волк-от жеребёнка-то розорвал. Сидит тутюка на жеребёнке-то. Вот мы зашумили!*»), *жеребушка*: «*Жерёбушка-то у кобылы красавица родилась*»; *жеребчик*: «*Зорька двух жеребчиков только принес-*

ла)), жеребёночек: «Всего один годоцек жеребёночку-то было»); шкуры животного (жеребятина: «Надо из жеребятины сделать подстилку»); пастбища, предназначенного для выпаса лошадей (жеребятник: «Жеребятник у нас за деревней»); прилагательных, называющих беременную самку животного (жеребёная, берёжая: «Он чуть берёжусю лошадь-ту не загнал»); глаголов, называющих процесс рождения у лошади детенышей (ожеребиться: «Уж когда и ожеребится-то, на той нидиле ждали, а по сию пору нет», избережать – вынудить преждевременно родить детеныша: «Мужики лупят лошадь, а она жеребёная, избережают они её, избережают»; избережаться – преждевременно родить нежизнеспособный плод: «У неё лошадь избережалась»); наречий уподобительного значения (жеребчиками – не садясь на что-либо во время катания с горы, стоя: «Девками зимой со скатов мы жеребчиками катались»).

Существительное лошадь (древнее заимств. из тюркск. *laša [33, Т. 2, с. 525]) служит производящей базой для существительных с уменьшительным (лошадка: «Запряги лошадку-ту да поезжай!»; лошадушка: «Лошадушек-то и пасли ночью-то робятёшка»; лошадёнушка: «Уж какая ни на есть лошадёнушка, а всё полегче с огородам-то»), уничижительным (лошадёнка: «Топере-то на три деревни одна лошадёнка!»), увеличительным значениями (лошадина: «Вымахала девка, как лошадина!»), со значением невзрелости (лошадёнок: «А сей лошадёнок увязался»); значением шкуры и мяса животного (лошадина: «Лошадина, поди, шкура ихняя. Ну, или мясо, конина»); значением человека, имеющего отношение к лошадям (лошадник: «Тятя был лошадник, любил коней-то»); для прилагательного, называющего признак по принадлежности животному (лошадиный: «След-от лошадиный, дак мы по нему из леса-то и вышли, а то бы окружались – не найти!»). Вероятно, по созвучию со словом лошадь в ряду существительных, называющих приспособление для хранения ложек (ложельница, ложечница, др.), образуется существительное лошадиница: «Лошаднича-та худая стала, могот и упась». Существительное лошадь входит также в состав локально детерминированных устойчивых словосочетаний: конём не была, а всё лошадыю – о тяжелой жизни, непосильном труде: «Ой, маму отдали, дак цёрт от цёрта был, и замужсье так ей: конём не была, а всё лошадыю».

Дериватов, образуемых от существительного мерин (заимств. из монг. *mörin [33, Т. 2, с. 604]), достаточно немного: это производные существительные с уменьшительно-ласкательным значением (меринок: «Меринок-от у Максимовых изладился»), а также слова со значением собирательности: мериньё: «Их хотела пожалеть, а они как мериньё хорошое».

С образом лошади в народной культуре связаны различные обычаи: отмечание угощением покупки лошади как важного события в жизни крестьянской семьи («Давай, литки делай, а то лошадь купил, а литок не делал»); украшение лошадей и повозки в праздничные дни («Как свадьба у кого, так много лошадей едёт»; «Видала, как свадьбу-то вот? А кони-ти наряжённы, бубешки-те поют, поедут»; «Подгары навязжут на лошади, когда свадьба»; «Коней убасят висоцкям баским»; «В Масленицу-то у нас весело было. На лошадях катались, на лошадь нацепят много бубешков разных, и маленьких и побольше»); святочные гадания, ориентированные на звуковые сигналы, издаваемые лошадыю («ДеУки-то раньшё на святках завораживались. Пойдут к хлеву. Задумают себе и слушают, сворскает лошадь или нет»; «На

*дороогу выходили гадать, слушали – откуда колокольчик сборкаёт, оттуда и жес-
нихов ждать»); молодежные игры («Водить коня, водить мельницу – так на свят-
ках играли раньше»); представления о благожелательном или, наоборот, вредносо-
ном воздействии на лошадь дворового, сверхъестественного существа, якобы живу-
щего во дворе и присматривающего за скотом («Дворовик у меня в хлеву скотину
оберегает. Вчера у лошади косицу заплёл – вишь, как заботится»; «Купи лошадь,
приведи во двор. Ежели не по двору, то дворовушко косы заплетает, лошадь ху-
дет, никак не могут откормить»). Мотив заплетания гривы у лошадей известен мно-
гим славянским народам и связан также, по свидетельству А. В. Гуры, с образом
ласки – животного семейства куньих, в облике которого может быть воплощен дво-
ровой хозяин [8, с. 224–227].*

Таким образом, в севернорусских говорах для названия млекопитающих непар-
нокопытных животных семейства лошадиных, относящихся к подвиду дикой лоша-
ди (лат. *Equus ferus caballus*), используется около сорока названий, среди которых
выделяются названия самок животного (*воронуха, жерёба, жеребица, карюха, ко-
была, кобылёха, кобылка, лошадёнка, лошадина, лошадка, лошадушка, лошадь, пе-
ганушка, рыжуха, чалка* и др.), незрелых особей (*борноволок, двулеток, жеребё-
нок, жеребушка, жеребчик, лоньшак, лоншачок, однолеток, переходок, сосунец,
стрижок* и др.) и самцов (*жеребец, жеребчик, конёк, коник, конь, мерин, меринок,
русак, тпроня* и др.). Эти названия сочетают в себе общезыковые свойства и ло-
кальные черты. Общезыковые свойства проявляются в преобладании локально не
ограниченных видовых названий животных, использовании общерусского мор-
фемного фонда и реализации при образовании производных имен общезыковых
закономерностей словообразовательной системы. Локальными чертами можно счи-
тать наличие диалектных названий животных, неодинаковый деривационный потен-
циал общерусских слов в литературном языке и в диалектах.

Выводы

В рассказах диалектоносителей эксплицируются типичные для языкового созна-
ния представления о лошадях, но их описание в диалектной речи является более
разнообразным и детальным, позиционирующим не пассивное наблюдение, а актив-
ное взаимодействие с животными, получение от них практической пользы, ежеднев-
ный тяжелый труд по уходу за ними; в большей мере описание животных в расска-
зах информантов связано с традиционными верованиями: воспроизводятся народные
приметы, этикетные формулы, рассказывается о народных обычаях, связанных в ло-
кальном языковом сознании с конем или лошадью.

«Мир животных» составляет неотъемлемую часть диалектной языковой картины
мира. Наши наблюдения над особенностями функционирования в вологодских и
архангельских говорах названий *коня / лошади* позволили исследовать конкретное
речевое выражение типологических черт диалектной языковой картины мира. Ее
антропоцентричность проявилась в том, что номинация и оценка животных осу-
ществляется с позиции говорящего субъекта – преимущественно женщин преклон-
ного возраста, всю жизнь занимавшихся крестьянским трудом. Прагматичность кар-
тины мира – в том, что при номинации и характеристике животных актуализирова-
лись те признаки, наличие которых обеспечивало получение от животных макси-

мальной практической пользы – молока, мяса, сала, шерсти, шкур, меха, навоза, тягловой силы и проч. Традиционность восприятия мира заключается в следующем: сохраняется деление «мира животных» на мужской и женский, образы *коня / лошади* представлены внутри многочисленных рассказов о народных верованиях, приметах, обычаях, рассказах о сверхъестественных силах, способствующих или препятствующих благополучию лошадей в крестьянском хозяйстве. Экспрессивность диалектной языковой картины мира проявляется в эмоциональной окрашенности используемых в речи языковых средств, является следствием личной заинтересованности говорящего субъекта в предмете речи. Наконец, приоритетность биологического выживания человека и его социальной адаптации в сельской общине выражается в том, что с *конем / лошадыю* связывается материальное благополучие крестьянской семьи, а наличие в хозяйстве этих животных и качество действий по уходу за ним служит предметом внимания и оценки со стороны жителей деревни, определяет отношение к человеку как к рачительному и трудолюбивому хозяину (хозяйке), завидному жеману или невесте.

Литература

1. Андреева Е. П., Варникова Е. Н., Глебова Д. В., Зорина Л. Ю., Иванова Е. Н., Ильина Е. Н., Комлева Н. В., Овсянникова Т. Г. Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2016. – 216 с.
2. Бобунова М. А. Наименования животных в необрядовых лирических песнях Курской губернии // Курское слово. – 2007. – № 4. – С. 86–93.
3. Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. – Москва: Советская наука, 1959. – 603 с.
4. Бондалетов В. Д. Животноводство. Общие сведения по данной отрасли хозяйства // Пособие инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. – Москва: АН СССР, 1960. – 240 с.
5. Бунчук Т. Н. Зооморфизмы в говорах Низовой Печоры // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов. – Москва: ИРЯ РАН, 2009. – С. 37–39.
6. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макроскм). – Москва: Индрик, 1998. – 240 с.
7. Ганцовская Н. С., Красильщик Е. А. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1996. – С. 114–119.
8. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. – Москва: Наука; Архангельск: Поморский университет, 2004. – 640 с.
9. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – Москва: Индрик, 1997. – 912 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Москва: Прогресс; Универс, – 1994.
11. Демидова К. И., Злыденная Т. А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 72–80.
12. Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. – Москва: Наследие, 1995. – С. 89–126.

13. Добродомов И. Г. Слово «лошадь» в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. – 1994. – № 1. – С. 90–92.
14. Журавлев А. Ф. Восточнославянская обрядовая скотоводческая лексика и фразеология в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1982. – 24 с.
15. Козлова Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. – Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. – 179 с.
16. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. – Архангельск: Поморский международный педагогический университет им. М. В. Ломоносова, 1994. – 235 с.
17. Косых Е. А. Название мастей животных в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1994. – 236 с.
18. Красильщик Е. А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния: На материале говоров Костромской и Ярославской областей: дис. ... канд. филол. наук. – Кострома: [б. и.], 1999. – 273 с.
19. Моисеева Л. Ф. Названия птиц в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Киев: [б. и.], 1974. – 193 с.
20. Москалева А. Г., Воробьева Е. А. Зоонимы в Ярославском областном словаре // Лексика ярославских говоров. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 1994. – С. 33–34.
21. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета / ответственный редактор Е. Н. Ильина. – Вологда: Вологодский государственный университет; Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.
22. Никитина Е. М. Анималистическая образность в прозе М. А. Шолохова 1920–1930-х годов (от «Донских рассказов» – к «Тихому Дону»): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: [б. и.], 2015. – 187 с.
23. Одинцов Г. Ф. История русских названий лошадей (на материале памятников XII–XVII в.): дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1970. – 353 с.
24. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / под редакцией Е. М. Пантелеевой. – Томск: Томский государственный университет, 1992. – 236 с.
25. Починяева О. А., Баженова Т. Е. Комментарий к лингвистической карте «Соотносительные названия лошади с корнем *-жереб-* / *-берез-*» // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / ответственный редактор О. Н. Крылова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – С. 165–170.
26. Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.
27. Словарь вологодских говоров / под редакцией Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский педагогический университет, 1983–2006. Вып. 1–12.
28. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва: Индрик, 1995. – 512 с.
29. Томова У. А. Наименования домашних животных и птиц в сказках: по сборнику русских народных сказок А. Н. Афанасьева: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2010. – 224 с.
30. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – Москва: АН СССР, 1960. – 116 с.
31. Утопия «звериности», или репрезентация животных в русской культуре. Труды Лозаннского симпозиума 2005 / под редакцией Л. Геллера. – Лозанна-Дрогобыч: Коло, 2007. – 216 с.

32. Фархутдинова Ф. Ф. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 1987. – 217 с.
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель: АСТ, – 2004.
34. Эпштейн М. Н. Мир животных и самопознание человека (По мотивам русской поэзии XIX–XX вв.) // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения 1986: Человек – природа – искусство / под редакцией Б. М. Кедрова. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 126–146.

References

1. Andreeva E. P., Varnikova E. N., Glebova D. V., Zorina L. Iu., Ivanova E. N., Il'ina E. N., Komleva N. V., Ovsianikova T. G. *Rezhskie teksty kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniia severnorusskogo dialekta* [Rezha texts as a source of ethnolinguistic description of the North-Russian dialect]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2016. 216 p.
2. Bobunova M. A. Naimenovaniia zhivotnykh v neobriadovykh liricheskikh pesniakh Kurskoi gubernii [Animal nominations in non-ritual lyrical songs in Kursk guberniya]. *Kurskoe slovo* [Kursk word], 2007, no. 4, pp. 86–93.
3. Bogoliubskii S. N. *Proiskhozhdenie i preobrazovanie domashnikh zhivotnykh* [Domestic animals' origin and development]. Moscow: Sovetskaia nauka, 1959. 603 p.
4. Bondaletov V. D. Zhivotnovodstvo. Obshchie svedeniia po dannoi otrasli khoziaistva [Livestock breeding. General information on this industry]. *Posobie instrukttsii dlia podgotovki i sostavleniia regional'nykh slovarei russkogo iazyka* [Guidelines for making and compiling regional dictionaries of the Russian language]. Moscow: AN SSSR, 1960. 240 p.
5. Bunchuk T. N. Zoomorfizmy v govorakh Nizovoi Pechory [Zoomorphisms in the dialects of Lower Pechora]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Tezisy dokladov* [Topical problems in Russian dialectology. Scientific conference abstracts]. Moscow: IRIa RAN, 2009, pp. 37–39.
6. Vendina T. I. *Russkaia iazykovaia kartina mira cherez prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [The Russian language world picture from the perspective of word formation (microcosm)]. Moscow: Indrik, 1998. 240 p.
7. Gantsovskaja N. S., Krasil'shchik E. A. Narodnye nazvaniia animal'noi meditsiny kak predmet areal'noi lingvistiki (na materiale "Tolkovogo slovaria zhivogo velikorusskogo iazyka" V. I. Dalia) [Folk nominations of animal medicine as the subject of areal linguistics (by the material of V. I. Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniia* [Lexical atlas of the Russian folk dialects. Materials and studies]. St Petersburg: ILI RAN, 1996, pp. 114–119.
8. Gemp K. P. *Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskikh rechenii* [The Tale of the White Sea. The dictionary of Pomor dialects]. Moscow: Nauka; Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2004. 640 p.
9. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.
10. Dal' V. I. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Progress; Univers, 1994.
11. Demidova K. I., Zlydenaia T. A. Tsennostnyi aspekt russkoi dialektnoi iazykovoi kartiny mira [The value aspect of the Russian dialect picture of the world]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniia* [Lexical atlas of the Russian folk dialects. Materials and studies]. St Petersburg: Nauka, 2006, pp. 72–80.
12. Demin A. S. Drevnerusskaia literaturnaia animalistika [Old Russian literary animalier art]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: Image of the nature and person]. Moscow: Nasledie, 1995, pp. 89–126.

13. Dobrodomov I. G. Slovo “loshad” v etimologicheskome aspekte [The word “horse” in etymological aspect]. *Russkii iazyk v shkole* [Russian language at school], 1994, no. 1, pp. 90–92.
14. Zhuravlev A. F. *Vostochnoslavianskaia obriadovaia skotovodcheskaia leksika i frazeologiya v etnolingvisticheskom aspekte* [East Slavic ritual cattle-breeding vocabulary and phraseology in the ethnolinguistic aspect: abstract PhD thesis in philol. sci.]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, 1982. 24 p.
15. Kozlova T. V. *Semantika frazeologizmov s nazvaniiami zhivotnykh v sovremennom russkom iazyke* [Semantics of phraseological units with the nominations of animals in the modern Russian language]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, 2003. 179 p.
16. Komiagina L. P. *Leksicheskii atlas Arkhangel'skoi oblasti* [Lexical atlas of Arkhangel'sk region]. Arkhangel'sk: Pomorskii mezhdunarodnyi pedagogicheskii universitet im. M. V. Lomonosova, 1994. 235 p.
17. Kosykh E. A. *Nazvanie mastei zhivotnykh v russkom iazyke* [Nominations of animals' color types in the Russian language: PhD thesis in philol. sci.]. Moscow, 1994. 236 p.
18. Krasil'shchik E. A. *Nazvaniia domashnikh zhivotnykh s tochki zreniia ikh fizicheskogo i fiziologicheskogo sostoiianiia: Na materiale govorov Kostromskoi i Iaroslavskoi oblastei* [Nominations of domestic animals in relation to their physical and physiological condition: by the material of dialects in Yaroslavl and Kostroma regions: PhD thesis in philol. sci.]. Kostroma, 1999. 273 p.
19. Moiseeva L. F. *Nazvaniia ptits v russkom iazyke* [Nominations of birds in the Russian language: PhD thesis in philol. sci.]. Kiev, 1974. 193 p.
20. Moskaleva A. G., Vorob'eva E. A. *Zoonimy v Iaroslavskom oblastnom slovare* [Zoonims in Yaroslavl regional dictionary]. *Leksika iaroslavskikh govorov* [Lexis of Yaroslavl dialects]. Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo, 1994, pp. 33–34.
21. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of Vologda region: the experience of male speech portrait; editor-in-chief E. N. Il'ina]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet; Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 232 p.
22. Nikitina E. M. *Animalisticheskaja obraznost' v proze M. A. Sholokhova 1920–1930-kh godov (ot “Donskikh rasskazov” – k “Tikhomu Donu”)* [Animalistic figurativeness in M. A. Sholokhov's prose in 1920–1930 (from “Tales of the Don” – to “The Quiet Don”): PhD thesis in philol. sci.]. Voronezh, 2015. 187 p.
23. Odintsov G. F. *Istoriia russkikh nazvanii loshadei (na materiale pamiatnikov XII–XVII vv.)* [The history of horse nominations in Russian (by the written records of the XII–XVII centuries): PhD thesis in philol. sci.]. Moscow, 1970. 353 p.
24. *Opyt dialektного гнездового словообразовательного словаря* [The experience of dialect cluster derivational dictionary; ed. by E. M. Panteleeva]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 1992. 236 p.
25. Pochiniaeva O. A., Bazhenova T. E. *Kommentarii k lingvisticheskoi karte “Sootnositel'nye nazvaniia loshadi s kornem -zhereb- / -berezh-”* [Commentary on linguistic map “Correlative nominations of the horse with the root -zhereb- / -berezh-”]. *Sovremennaiia russkaia leksikologiya, leksikografiia i lingvogeografiia* [Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography; editor-in-chief O. N. Krylova]. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 165–170.
26. Radchenko O. A., Zakutkina N. A. *Dialektnaia kartina mira kak idioetnicheskii fenomen* [Dialect world picture as an idioethnic phenomenon]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 2004, no. 6, pp. 25–48.
27. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; Vologodskii pedagogicheskii pedagogicheskii universitet, 1983–2006, vol. 1–12.

28. Tolstoi N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995. 512 p.

29. Tomova U. A. *Naimenovaniia domashnikh zhivotnykh i ptits v skazkakh: po sborniku russkikh narodnykh skazok A. N. Afanas'eva* [Nominations of domestic animals and fowl in tales: by A. N. Afanasev's collection of Russian folk tales: PhD thesis in philol. sci.]. Moscow, 2010. 224 p.

30. Trubachev O. N. *Proiskhozhdenie nazvanii domashnikh zhivotnykh v slavianskikh iazykakh* [The origin of domestic animals' nominations in the Slavic languages]. Moscow: AN SSSR, 1960. 116 p.

31. *Utopiia "zverinosti" ili reprezentatsiia zhivotnykh v russkoi kul'ture. Trudy Lozanskogo simpoziuma 2005* [Utopia of "animality" or representation of animals in Russian culture: Proceedings of Lozanna symposium; ed. by L. Geller]. Lozanna-Drogobych: Kolo, 2007. 216 p.

32. Farkhutdinova F. F. *Frazeologicheskie edinit'sy s animalisticheskimi komponentami v sovremennom russkom iazyke* [Phraseological units with animalistic component in the modern Russian language: PhD thesis in philol. sci.]. Rostov-na-Donu, 1987. 217 p.

33. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Astrel', AST, 2004.

34. Epshtein M. N. *Mir zhivotnykh i samopoznanie cheloveka (Po motivam russkoi poezii XIX–XX vv.)* [Animal world and person's self-cognition (based on Russian poetry of the XIX–XX centuries)]. *Hudozhestvennoe tvorchestvo. Voprosy kompleksnogo izucheniia. 1986: Chelovek – priroda – iskusstvo* [Artistic creativity. Issues of comprehensive study, 1986: Person – nature – the arts; ed. by B. M. Kedrov]. Leningrad: Nauka, 1986, pp. 126–146.

Для цитирования: Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Сидорова Т. А. КОНЬ / ЛОШАДЬ в языковой картине мира севернорусского крестьянина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 4 (91). – С. 50–64. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-5

For citation: Ilyina E. N., Saburova L. V., Sidorova T. A. Horse in the language world picture of the north Russian peasant. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 4 (91), pp. 50–64. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-5